

УДК 94(571.54)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.62>

Основные этапы национализации банковской системы в Иркутской губернии в 1917–1920 гг.

В. П. Шахеров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются вопросы ликвидации старой финансово-кредитной системы в Иркутской губернии в ходе революционных событий и Гражданской войны. Основное внимание уделено национализации финансовой сферы, прежде всего государственных органов управления финансами и частных банков. Ликвидация старых финансовых механизмов имела в Сибири свои особенности. Первая попытка была предпринята в начале 1918 г., но временное падение советской власти не позволило завершить этот процесс. Вновь к национализации частной собственности и капитала удалось вернуться после разгрома колчаковского режима в начале 1920 г. На конкретных примерах раскрывается организация создания финансового механизма новой власти, сложные вопросы взаимодействия региона и центральных органов Сибири и России. Приводятся новые материалы о национализации частных банков в Иркутске и последствиях этих процессов для их вкладчиков.

Ключевые слова: советская власть, Иркутск, финансовые органы, банки, национализация.

Для цитирования: Шахеров В. П. Основные этапы национализации банковской системы в Иркутской губернии в 1917–1920 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2018. Т. 26. С. 62–72. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.62>

После Октябрьской революции финансово-кредитная система страны подверглась существенным преобразованиям. Их содержание и направленность определялись идеологическими и экономическими концепциями партии большевиков. Решающим был постулат о неизбежности отмирания товарно-денежных отношений при переходе к социализму. В то же время предполагалось, что сохранит свое значение принцип распределения по труду. Поэтому было сформулировано требование наладить в переходный к безденежным отношениям период строжайший учет и контроль за мерой труда и потребления. Особая роль отводилась Государственному банку с его сложившейся системой взаимодействия с населением. Он должен был осуществлять в рамках всей страны единое счетоводство, учет производства и распределения продуктов.

Большевики практически сразу приступили к реализации идеи единого банка. Уже в ходе восстания в Петрограде во все банки были направлены комиссары, взявшие под контроль все банковские операции. В конце декабря 1917 г. принят Декрет ВЦИК «О национализации банков», и в стране введена государственная монополия на банковское дело. В соответствии с

этим акционерные коммерческие банки и банкирские конторы подлежали национализации и слиянию с Государственным банком. Сам банк с конца января 1918 г. стал называться Народный банк Российской Республики, затем – Народный банк РСФСР. Национализация распространялась на все акционерные коммерческие банки, банкирские конторы, общества взаимного кредита и акционерные земельные банки.

На окраинах огромного государства установление советской власти происходило по-разному. В Иркутске противостояние сторон продолжалось до декабря и вылилось в ожесточенное вооруженное столкновение. Был арестован губернский комиссар И. А. Лавров, заняты казначейство, казенная палата, Иркутское отделение Госбанка и частные банки. Не имея возможности в этих условиях обеспечить сохранность ценностей, управляющие банками и казначейством передали ключи от кладовых и касс под охрану городскому голове. Обе стороны в целях предотвращения грабежей и разбоя в отношении банковских зданий выделили им дополнительную охрану. Так, в Госбанк были направлены караулы от местного гарнизона и Красной гвардии, всего около 30 человек, не считая банковской охраны¹. В банк Е. Медведниковой был командирован от красных караул из двух человек, установлена дополнительная охрана и других банков.

Почти две недели в Иркутске шли ожесточенные бои. Общее число убитых и раненых составило более 1 тыс. человек, были разрушены и сожжены десятки зданий, среди которых сильно пострадало здание Русско-Азиатского банка, и почти полностью были уничтожены здания, входившие в усадьбу Иркутского отделения Государственного банка. Декабрьские бои закончились установлением советской власти в Иркутске. Уже в начале января 1918 г. все банки, кроме Московского, по распоряжению советской власти оказались заняты солдатами, и было объявлено об их национализации [2, с. 272]. В ответ днем 18 января состоялась манифестация городских граждан, имевших вклады в банках, против этого решения [1, с. 341]. А вечером уже большевики провели демонстрацию вооруженных сил в лице дежурной роты, дежурного взвода, артиллерии, пулеметной и бомбометной команд в поддержку декрета.

Как проходила национализация частных банков, можно проследить на примере банка Е. Медведниковой. В него 20 февраля был направлен комиссар С. А. Качальский с требованием производить все операции банка только с его ведома и за его подписью. Мандат ему выдал заведующий финансовым отделом Комитета советских организаций Восточной Сибири Б. Славин. Комиссар потребовал передать ему все ключи, в том числе и от кладовой, а также заявил, что банк превращается в филиал Государственного банка. В ответ городская Дума выразила решительный протест и потребовала вывести комиссара и караул, пригрозив вообще закрыть банк. Совет банка во главе со старшим попечителем А. А. Белоголовым приостановил работу,

¹ ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 130. Л. 99.

а ключи от кладовых и документацию передал на хранение заместителю городского головы К. П. Турицыну¹. Эти решительные шаги в какой-то степени заставили большевиков пойти на уступки. Славин заявил, что по распоряжению из Москвы банк не подлежит национализации. И если совет согласится работать под контролем Государственного банка и комиссара с правом вето, то банк может продолжать работу. Контроль со стороны Иркутского отделения Госбанка выразался в предоставлении еженедельных отчетов.

Подобные столкновения происходили во всех частных банках. В ответ на попытку комиссара Русско-Азиатского банка Перца взять всю власть в свои руки при полном игнорировании дирекции служащие банка провели общее собрание, на котором приняли специальную резолюцию. В ней было заявлено, что они не признают советскую власть и распоряжения ее будут выполнять лишь тогда, когда те будут согласованы с руководством банка. Все внутренние операции банка, в том числе по заработной плате и другим хозяйственным расходам, должны производиться по личному усмотрению директора. Эта резолюция была отправлена во все частные банки Иркутска².

С установлением советской власти в Иркутске местное отделение Госбанка перешло в подчинение Народного банка РСФСР. Началась работа по исполнению декретов советской власти в части реорганизации банковской сферы и национализации учреждений частного кредита. Своим циркуляром от 6 апреля 1918 г. Народный банк установил порядок предоставления мелких кредитов только с отзывом местных советов народного хозяйства о финансовом и экономическом положении этих учреждений и предприятий. Кроме того, кредит мог выделяться только тем, кто работает в организациях, в которых был установлен рабочий контроль³. Но поскольку активное проведение реформ сдерживалось ожесточенным сопротивлением и даже бойкотом старых структур, то они проходили крайне медленно. Иркутское отделение, например, затрудняясь выяснить, где введен рабочий контроль, а где нет, попросило созвать совещание уполномоченных органов с участием администрации банка для всестороннего уточнения возникающих вопросов в связи с новым порядком кредитования учреждений мелкого кредита⁴.

Опираясь на военную силу, большевики в Иркутске приступили к планомерному наступлению на своих политических оппонентов. Весной 1918 г. были закрыты Иркутское губернское земское собрание, открыто осудившее политику Советов, губернская земская управа и распущены все военные общественные организации. Наконец, 2 мая были одновременно распущены Иркутская городская дума и городская управа. В этой ситуации продолжалась национализация частных банков. Все они были закрыты к середине мая, а их активы и документация переданы в местное отделение Народного банка. Работа по национализации банков и реорганизации финансовых

¹ ГАИО. Ф. 156. Оп. 3. Д. 21. Л. 5.

² Там же. Л. 8–8 об.

³ Там же. Ф. 154. Оп. 1. Д. 134. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1 об.

структур была возложена на комиссара финансов Совдепа Б. Славина. Уже 8 мая в банк Е. Медведниковой был направлен комиссар Любимов, с ведома которого должны были теперь осуществляться все операции. На следующий день в банк пожаловал сам Славин. Он еще раз разъяснил позицию власти и рассказал, как будут реформированы банк и сиропитательный дом. Учебное заведение для девочек передавалось в отдел призрения, в ведении которого находились все приюты. На заявление попечителя, что Сиропитательный дом Е. Медведниковой никогда не получал государственных субсидий и содержался исключительно на средства банка, как раз и созданного для этих целей, и что это будет против воли создателя учебного заведения, Славин ответил, что «государство считаться с волей завещателя не будет, доходы же банка, в этом случае, будут преданы в отдел Призрения»¹. 23 мая от Славина последовало еще одно разъяснение, в котором он подтверждал все полномочия комиссара, а на мнение попечителя, что «нет законных оснований» для нарушения автономии банка, отвечал: «Банки все принадлежат Российской Федеративной Советской Республики и как хозяин эта Республика в лице Советов контролирует, управляет ими»². Финансовая ситуация в банке и так была не самая благополучная. До национализации он большую часть своих оборотных средств держал на текущих счетах частных банков под проценты и благодаря этому сам имел возможность платить по текущим счетам и вкладам от 3,5 до 6 % годовых³. После национализации и отказа Госбанка платить за помещаемые на текущие счета национализированных банков капиталы пришлось увеличивать процент по учету векселей и ссудам под ценные бумаги и товары до 8–10. Кроме того, банк выдавал ссуды под залог недвижимости, в том числе жилыми домами и производственными помещениями. При невозврате средств все это имущество банком обычно продавалось. После муниципализации некоторые заложенные дома были реквизированы для нужд новой власти. Их занимали зачастую без оформления какой-либо документации, кроме того, часть из них сгорела во время декабрьских боев в Иркутске⁴.

Дальнейшее развитие событий в Сибири в конце мая – июне 1918 г. привело к падению власти большевиков. В Иркутске вновь стала восстанавливаться прежняя кредитная система. С 21 июля начало функционировать отделение Сибирского банка, 3 августа Волжско-Камского, убытки которого от расхищения большевиками составляли 7 млн руб. С 5 августа заработал Русско-Азиатский банк, потери которого были заметно скромнее – всего чуть более 50 тыс. руб. [2, с. 337].

После падения советской власти в Сибири летом 1918 г. прежняя кредитно-банковская система была постепенно восстановлена, хотя разделение балансов и возмещение убытков от национализации банков растянулось до

¹ ГАИО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 3. Л. 9 об.

² Там же. Л. 14 об.

³ Там же. Ф. 70. Оп. 4. Д. 164. Л. 13.

⁴ Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 286. Л. 19.

начала 1919 г. На первых порах руководство государственными кредитными учреждениями было сосредоточено в образованном 13 июля 1918 г. кредитном отделе Министерства финансов. Своим циркулярным письмом от 23 июля оно предложило отделениям Госбанка и казначействам закрыть все текущие счета бывших советских, а также продовольственных организаций и остатки перечислять на переходные суммы. Весь кредитный аппарат был в разобранном состоянии. Отступая, большевики вывозили не только ценности, но и финансовые документы, а зачастую просто уничтожали их. С учетом объема работы для восстановления нормальной деятельности управляющим отделениями было рекомендовано временно воздержаться от выдачи отпусков банковским служащим¹. Оказавшиеся оторванными от своих головных контор, отделения российских коммерческих банков пошли на создание временных дирекций из представителей сибирских подразделений, а в 1919 г. объединились в Комитет акционерных коммерческих банков. Падение производства, кризис транспортной системы, интенсивная инфляция мешали нормальному ведению операций. Банки сосредоточились на предоставлении краткосрочных товарных кредитов, подтоварных залогов, переводах денег, игре на курсах размена разных видов денег и денежных суррогатов, иностранной валюты. Денежные ссуды предприятиям выдавались под обеспечение товарами. Колчаковский переворот 18 ноября 1918 г. еще более усугубил финансовый кризис в Сибири, но мало сказался на организационной структуре финансового управления регионами, сформированной предыдущим правительством.

С восстановлением советской власти в Иркутске в конце января 1920 г. большевики приступили к планомерной работе по слому старых структур управления и организации новых финансовых органов. После ликвидации Государственного банка и других финансовых структур все они были сведены в единый расчетно-кассовый аппарат Республики. В Иркутске заведующим вновь образованного из прежних финансовых учреждений расчетно-кассового подотдела финуправления губревкома был назначен И. С. Соснин, ранее возглавлявший комитет служащих Иркутского отделения Госбанка. При этом и сам подотдел разместился в восстановленном после декабрьских боев 1917 г. здании Госбанка, включив в себя основной состав служащих и работников, все делопроизводство и документацию. Даже служебная переписка подотдела некоторое время осуществлялась на бланках бывшего отделения, на которые сверху ставился новый штамп.

Национализация частных банков затянулась на несколько месяцев. Все частные банки и их отделения рассматривались как самостоятельно обанкротившиеся учреждения и по проверке их балансов подлежали ликвидации². Обязательства по отношению к эксплуататорским элементам аннулировались, а конфискованные средства направлялись на покрытие обязательств данного банка по отношению к трудовому населению. Изъятые из сейфов

¹ ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 140. Л. 50.

² Там же. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 227. Л. 29.

денежные знаки и ценности рассматривались как вклады, подлежащие изъятию. Ликвидации подлежали также все вклады, состоящие из аннулированных советской властью старых процентных бумаг и колчаковских денег. Вклады трудового населения, не превышающие 10 тыс. руб., передавались в расчетные кассы губернских или уездных финотделов, которые и производили выдачу на общих основаниях в размере прожиточного минимума. Но все выдачи могли осуществляться только за счет реального имущества банков. Товарные отделы местных банков передавались для окончательной ликвидации в местные финотделы. Штаты служащих предлагалось распустить, рассчитав их за счет реального имущества отделений частных банков, оставив при этом необходимый минимум для их ликвидации. Квалифицированные работники и дела бывших частных банков, эвакуированных в Иркутск, подлежали отправке в места их учреждения.

Приказом губфинотдела 27 марта была учреждена ликвидационно-техническая коллегия, председателем которой был назначен В. Ф. Габель. В нее входили представители от госконтроля, расчетно-кассового подотдела – Д. М. Чумаков и М. В. Ушаков, а также с совещательным голосом делегаты от самих банков: А. И. Погребецкий (Московский народный банк), В. И. Ермаков (Волжско-Камский банк), Г. И. Коберман (Русско-Азиатский банк), П. И. Исаев (Сибирский торговый банк), К. Ф. Лыткин (банк Е. Медведниковой) и И. И. Бланков (от Общества взаимного кредита)¹. Созданная коллегия должна была немедленно приступить к ликвидации частных банков, в том числе уволить весь их штат, оставив необходимое число сотрудников для работ по ликвидации. В задачи коллегии также входило определение реального баланса банков, за счет активов которого должны быть удовлетворены вкладчики из числа трудового населения, вложившие свои сбережения до 1 июня 1918 г. (т. е. до падения советской власти).

Ситуация осложнялась тем, что, кроме собственно иркутских частных банков, в городе скопились различные финансовые учреждения колчаковского правительства, а также ценности и бумаги различных частных банков с Волги, Урала и Западной Сибири. Среди них были такие банки, как Самарское, Челябинское, Сарапульское отделения Соединенного банка, Самарское, Уфимское, Сызранское, Курганское, Пермское, Омское, Оренбургское отделения Волжско-Камского коммерческого банка, Бугульминское агентство того же банка, Самарский купеческий банк, кунгурские отделения Сибирского торгового и Народного банков, Сызранское и Курганское отделения Общественного банка, Омское, Миасское и ряд других отделений Русского торгово-промышленного банка. При их ликвидации часть ценностей была конфискована, а служащие, документы и некоторые ценности подлежали реэвакуации. Занималась реэвакуацией специальная комиссия во главе с Я. Вишняком². Одними из первых были отправлены из Иркутска чиновники и банковские служащие бывшего колчаковского правительства. По

¹ ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 119. Л. 31.

² Там же. Д. 152. Л. 11.

возвращении в Омск они поступили на службу в Финансовое управление при Сибревкоме и Омский губернский финотдел.

Положение служащих ликвидируемых частных банков было крайне затруднительным. Многие из них оказались в Иркутске в условиях инфляции и дефицита продуктов питания без средств к существованию. До прекращения этими банками операций и аннулирования сибирских дензнаков служащие получали содержание за счет своих местных отделений. С момента опечатывания касс отделений банков и начала их ликвидации положение эвакуированных служащих оказалось критическим. Большинство из них, люди семейные и совершенно случайно застрявшие в Иркутске, испытывали значительные трудности, «не имея определенного источника для своего существования»¹. В соответствии с распоряжениями из Москвы окончательная ликвидация частных банков должна производиться на местах их деятельности, в связи с чем служащие должны были быть реэвакуированы. А до этого иркутские власти должны были выделить для их содержания кредит авансом в размере 90 тыс. руб. за счет тех городов, где эти банки находились до эвакуации.

Не лучше была ситуация со служащими тех банков, которые находились в Иркутске. Ликвидационно-техническая коллегия сообщала в губфинотдел в апреле 1920 г., что служащие бывших частных банков, кроме Московского народного банка и отчасти Медведниковского, не получали положенного содержания с момента отмены сибирских денег (18 февраля) по 1 апреля, а также пособия в размере двухнедельного оклада для лиц, не устроившихся на службу. Коллегия просила выдать аванс для крайне нуждающихся в размере 251 тыс. руб. за счет сумм, поступающих от реализации ценностей бывших частных банков, еще 25 тыс. руб. на оплату расходов по содержанию зданий частных банков, на приобретение канцелярских принадлежностей и прочие нужды, связанные с их ликвидацией. Наконец, 146,7 тыс. руб. были необходимы для выплаты заработной платы за апрель и май служащим, оставленным при банках, для проведения работ по их национализации². Таковых оказалось 42 человека (почти треть от прежнего штата сотрудников): при Иркутском обществе взаимного кредита – 4 служащих, фонд оплаты которых составил 15 540 руб., иркутских отделений Русско-Азиатского банка – 6 во главе с управляющим Г. И. Каберманом и с оплатой в 22 850 руб., Волжско-Камском коммерческом банке – 4 служащих (17 780 руб.), Сибирском торговом банке – 6 человек (23 240 руб.), Московском народном банке – 4 сотрудника (13 050 руб.). Самая большая группа была оставлена при банке Е. Медведниковой – 18 служащих и работников во главе с членом Совета К. Ф. Лыткиным, среди них было 6 курьеров и 1 дворник. Общая сумма выплаты содержания для них – 54 200 руб.³ Расчет на содержание бывших служащих частных банков производился за счет сумм, полученных от ликвидации реальных ценностей и имущества банков.

¹ ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 152. Л. 10.

² Там же. Д. 119. Л. 3.

³ Там же. Л. 4–4 об.

Так, Иркутскому отделению Московского народного банка было разрешено, согласно указанию из Омска, приступить к реализации своего актива, состоявшего из нескораемых шкафов и другого оборудования, для выплаты жалования сотрудникам.

Непосредственную работу по проверке и изъятию ценностей из частных банков проводила комиссия расчетно-кассового подотдела, возглавляемая бухгалтером 1-го разряда Н. И. Фростом. Основная задача комиссии заключалась в принятии по особым актам всех оставшихся в кладовых частных банков ценностей и зачислении их на соответствующие балансы. Дела и делопроизводство по составлению описей опечатывались и хранились в расчетно-кассовом отделе до реэвакуации этих банков по своим местам. Кроме того, комиссия производила ревизию банковских сейфов с конфискацией содержащегося в них имущества, если его владельцы не предъявляли своих прав в 3-дневный срок после соответствующего объявления¹. Так, например, происходило при вскрытии стальных сейфов в бывшем Сибирском торговом банке. Из 442 сейфов были вскрыты 260 в присутствии их арендаторов, а остальные 182 пришлось взламывать. Все ценности пошли в доход государства. Так же вскрывались хранилища Медведниковского банка, производившего, между прочим, операции ломбардного характера. Владельцам заложенных вещей предложено было заявить о них и доказать свое трудовое прошлое, после чего вещи могли быть выданы хозяевам. При этом стоимость вещей не должна превышать 10 тыс. руб. До 1 марта таких заявлений при наличии в банке 150 залогов поступило всего 36, большинство из них было удовлетворено, остальные залоговые реквизированы в доход государству. Ведомость о залогах и их перечень были составлены еще 5 февраля, все опечатано и оставлено на хранение в банке. Крупные вещи на двух подводах были отправлены в Сибирский банк. В апреле – мае 1920 г. ценности из частных банков постепенно передавались в расчетно-кассовый подотдел. Так, 20 мая из банка Е. Медведниковой поступили ценные бумаги на 855 тыс. руб., 13 билетов самого банка на 93 тыс., одна облигация «Займа Свободы» на 50 руб., золотые и серебряные монеты на 545 руб., купоны на 550 руб.² Возврат же заложенных в банке ценных предметов затянулся надолго. Так, по сведениям Н. С. Романова, только с 5 февраля 1921 г. в губфинотделе начали принимать заявления на возврат трудовому элементу заложенных в Медведниковском банке вещей [2, с. 432].

Актом от 2 апреля 1920 г. комиссией Фроста в кладовой Сибирского торгового банка были вскрыты сундук с ценностями и кассой Омского отделения Волжско-Камского коммерческого банка, два ящика с банковским серебром, мешок с ценностями из Самарского купеческого банка, сундук Оренбургского отделения Волжско-Камского банка. От старшего доверенного Омского отделения Волжско-Камского банка Н. В. Митрофанова было принято наличности кассы на сумму в 586 тыс. руб. 68 коп., банковского

¹ ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 152. Л. 2 об.

² Там же. Д. 150. Л. 131.

серебра на сумму 4700 руб., вексельной бумаги и гербовых марок на 2807 руб., шесть слитков золота весом в 22 фунта. Также изъяты пакеты с ценностями Омского, Оренбургского и Пермского отделений, а также Бугульминского агентства Волжско-Камского банка и Самарского купеческого банка. 27 мая принято 18 мешков с книгами и документами Общества взаимного кредита г. Самары. Иногда изъятые ценности и документы по ордерам передавались другим организациям. Так, при ликвидации Иркутского отделения Московского народного банка в Иркутский госуниверситет были переданы старинные медные монеты, ценности Омского и Пермского отделений возвращены по местам их нахождения, чековые книжки и другие банковские документы, а также вклады и переходящие ценности были подготовлены для отправки в Дальневосточную республику, где банк продолжил свою работу. Все денежные средства бывших частных банков после проверки и изъятия зачислялись на баланс расчетно-кассового подотдела. Общий итог составил огромную сумму в 1,7 трлн руб. Вскрытия и изъятия ценностей продолжались практически до конца года. Так, при вскрытии и описании не востребовавшихся вкладов бывшего иркутского отделения Госбанка в декабре 1920 г. на счете «Вклады на хранение» оказалось 19 ящиков на 80 440 руб., среди них ящик штабс-капитана А. Б. Мигунова, в котором обнаружилось 39 изделий из серебра и золота. Самый большой по ценности вклад на 48 тыс. руб. принадлежал начальнику Иркутского сыскного отделения¹.

Кроме закрытия счетов и изъятия ценностей, ликвидационная комиссия занималась взиманием с банковских заемщиков оставшейся за ними задолженности. До 1 июля 1920 г. платежи поступили от 174 должников, представляющих имущий класс, на общую сумму в 2 196 271 руб. Если частные лица оплачивали свои обязательства без задержек, то платежи от кооперативных и правительственных учреждений в общей сумме свыше 26,7 млн руб. погашались с большими заминками. Всего же частным лицам и кооперативным организациям было выдано в колчаковский период ссуд под обеспечение товарами на сумму в 37,5 млн руб. Стоимость же самих товаров была значительно выше. Большая часть товаров была реквизирована советской властью. Учреждения, принявшие их, должны были возместить сумму до 15 млн руб. Эта сумма и все поступившие в погашение долгов платежи должны были пойти на удовлетворение вкладчиков трудового происхождения.

Конфискованные ценности банков и других финансовых учреждений, а также сдаваемые в отделение Народного банка аннулированные сибирские деньги подлежали отправке в Москву. В начале мая из Иркутска в адрес Омского губфинотдела были направлены в двух ящиках ценности бывшего Центрального управления Государственного банка на 8 272 287 руб. 97 коп. В том числе аннулированных денег на 7 948 276 руб. 21 коп., неаннулированных на 324 011 руб. 76 коп.² Всего за первую половину 1920 г. было выслано в центр золота в слитках 11 пудов 36 фунтов; серебра – 13 пудов

¹ ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 153. Л. 10–10 об.

² Там же. Д. 160. Л. 45.

17 фунтов, а также значительное количество золотых, серебряных и металлических изделий, конфискованных в сейфах частных банков, оставшихся бесхозными залогов Медведниковского банка, а также изъятыми сотрудниками губчека у городской буржуазии. В порядке аннулирования старых денег в центр было отправлено числившихся во вкладах и конфискованных в сейфах процентных бумаг на 73 млн руб., ликвидированных сибирских дензнаков на 736 млн руб. Из Иркутского отделения Народного банка было отправлено в Москву в разное время золота в слитках 1041 пуд 12 фунтов, из которых 919 пудов 24 фунта находились в кладовой отделения к моменту перехода власти к Советам.

Таким образом, национализация кредитной системы в Сибири имела существенные особенности, фактически она проводилась в два этапа. В период кратковременного установления советской власти были намечены только общие подходы к слову старой финансово-кредитной системы и начались первые мероприятия по национализации частных банков. Падение власти большевиков в июне 1918 г. привело к восстановлению прежних институтов. Несмотря на всю сложность экономического развития края, неуправляемую инфляцию и крах всей денежной системы, частные кредитные операции продолжали функционировать вплоть до окончательной ликвидации белой Сибири. Восстановление советской власти в начале 1920 г. в Иркутской губернии позволило завершить ликвидацию старой финансовой системы и частного банковского кредита. С учетом отдаленности от центра и затянувшимся началом преобразований создание новых финансовых структур в регионе заняло весь год.

Список литературы

1. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. Иркутск : Оттиск, 2003. 848 с.
2. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / сост. Н. В. Каликаuskене. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 560 с.

The Main Stages of Nationalization of the Banking System in Irkutsk Province in 1917–1920

V. P. Shakherov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article discusses the liquidation of the old financial and credit system in the Irkutsk province during the revolutionary events and the Civil war. The main attention is paid to the nationalization of the financial sector, primarily public financial management and private banks. The elimination of the old financial arrangements were in Siberia their characteristics. The first attempt was made in the first half of 1918, but the temporary fall of Soviet power did not allow to complete this process. Back to the nationalization of private property and capital were able to return after the defeat of Kolchak's regime in the early 1920. On concrete examples the organization of the creation of a financial mechanism of the new power, difficult questions of interaction of the region and the Central authorities of Siberia and Russia reveals. New

materials on the nationalization of private banks in Irkutsk and the consequences of these processes for their depositors are presented.

Keywords: soviet power, Irkutsk, financial bodies, banks, nationalization.

For citation: Shakhеров V.P. The Main Stages of Nationalization of the Banking System in Irkutsk Province in 1917–1920. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2018, vol. 26, pp. 62-72. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.62> (in Russian)

References

1. Kolmakov YU.P. (sost.). *Irkutskaya letopis' 1661-1940 gg.* [Irkutsk chronicle 1661-1940]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2003, 848 p. (in Russian)
2. Romanov N.S. Kalikauskene N.V. (sost.). *Letopis' goroda Irkutsk za 1902-1924 gg.* [The Irkutsk city chronicle for 1902-1924]. Irkutsk, East Siberian Book Publ., 1994, 560 p. (in Russian)

Шахеров Вадим Петрович

*доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: (3952)24-05-22
e-mail: wodalys@yandex.ru*

Shaherov Vadim Petrovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of History Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
tel.: (3952)24-05-22
e-mail: wodalys@yandex.ru*